

Aldona Borkowska

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny
Wydział Humanistyczny
Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych
Katedra Filologii Rosyjskiej i Komparatystyki
08-110 Siedlce
ul. Żytnia 39

Литературный дискурс Виктора Астафьева (на эпистолярном материале)

Виктор Астафьев (1924–2001) начал литературную деятельность в возрасте 28 лет. До этого испытал сиротское детство, детдомовский период, фронт, ранения, тяжелую физическую работу, смерть ребенка в голодные послевоенные годы. Сибирский прозаик не получил никакого образования, кроме шести классов начальной школы и ФЗО. Самородный талант наверстал упущенное во время двухлетних литературных курсов в Москве, куда поступил после первых шагов на творческом пути. Астафьев принадлежит к писателям, которые оставили не только художественные произведения, но и ряд высказываний о работах предшественников и современников, о словесном процессе, тенденциях его развития. Деятельность прозаика в области литературной критики это множество статей, предисловий и послесловий, а также многочисленные интервью с суждениями о прочитанных произведениях или наблюдения и обзоры текущего литературного процесса в стране. Однако наибольшей по объему и, пожалуй, наиболее значимой является его переписка, составляющая два последних тома *Собрания сочинений*, а также письма, изданные отдельными книгами. Две из них – это переписка с критиками Александром Макаровым¹ и Валентином Курбатовым². В Иркутске был опубликован эпистолярный дневник *Нет мне ответа*³, куда включены письма Виктора Астафьева, сочиняемые им почти каждодневно.

Эпистолярный жанр всегда активно использовался в обществе, своими корнями уходя в античные времена. Проследившая традицию, в русле которой

¹ В. Астафьев, А. Макаров, *Твердь и посох (переписка 1962–1967 гг.)*, Иркутск 2005.

² В. Астафьев, В. Курбатов, *Крест бесконечный. Письма из глубины России*, Иркутск 2002.

³ В. Астафьев, В. Курбатов, *Нет мне ответа*, Иркутск 2009.

развивалась эпистолярная литература, можно заметить постоянные изменения обусловленные эволюцией общества. Жанр письма в современных исследованиях не имеет четко определенных границ, а линии между литературой и другими формами высказывания неточны⁴. Сегодня нередко затрагивается теоретический вопрос неясности жанрового статуса эпистолярных и поднимается проблема перехода письма в другие литературные типы высказывания⁵. В случае эпистолярного дневника *Нет мне ответа*, мы имеем дело с рассмотрением писем Виктора Астафьева в качестве дневника, причем жанровую принадлежность книги определил не автор, а издатель – Геннадий Сапронов.

Литературный дискурс Виктора Астафьева, проявившийся в его переписке, опубликованной, в частности, в названных выше изданиях, станет предметом нашего анализа. Однако исчерпывающее исследование литературных комментариев в эпистолярном наследии Виктора Астафьева в рамках настоящей статьи не представляется возможным.

Специфической чертой творчества Виктора Астафьева, особенно позднего, в том числе его переписки, является публицистичность⁶, поэтому его письма интересны как с литературной, так и общекультурной точки зрения. Здесь имеем дело и с критической деятельностью, под которой понимается действие, определенное Томасом Стернзом Элиотом, как комментирование и объяснение произведений искусства при помощи слова⁷. Причем критика является не только следствием прочитанных книг, но также – а может прежде всего – свидетельством участия в литературной жизни. Неотъемлемая часть критической деятельности писателя – это его творчество, ибо невозможно отделить друг от друга эти два пласта. Тем более, что от критика никто не ждет объективности в суждениях. По словам Валерия Мильдона, «[...] настоящий критик – это лишь созерцающий читатель, тот, кто не втискивает объективное изображение в предвзятые границы»⁸. Суть критики, кроме описания

⁴ О теории эпистолярного жанра см., напр.: S. Skwarczyńska, *Teoria listu*, Lwów 1937; М. Бахтин, *Проблема речевых жанров*, [в:] он же, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979; M. Woźniakiewicz-Dziadosz, *Stefanii Skwarczyńskiej teoria listu*, [в:] *Literatura i komunikacja. Od listu do powieści autobiograficznej*, ред. А. Blaim, Z. Maciejewski, Lublin 1998; Н. Логынова, *Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: Эволюция жанра и художественного дискурса*, Москва 2010.

⁵ См., напр.: А. Skalska, *Od korespondencji do poezji. Listy Emilii Dickinson*, [в:] *Literatura i komunikacja...*; Л. Потаренко, *Письма А. П. Чехова как субтитут дневника писателя*, [в:] *Dzienniki pisarzy rosyjskich*, „Studia Rossica” XVII, ред. А. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, Warszawa 2006.

⁶ См., напр.: А. Курьянович, *К вопросу о жанрово-стилистических особенностях русской эпистолярной публицистики (на материале писем В. П. Астафьева)*, [Электронный ресурс] <http://www.cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zhanrovo-stilisticheskikh-osobennostyah-russkoy-epistolarnoy-publicistiki-na-materiale-pisem-v-p-astafieva> [20.09.2014].

⁷ Т. S. Eliot, *Rola krytyki*, [в:] он же, *Szkice krytyczne*, пер. М. Niemojewska, Warszawa 1972.

⁸ В. Мильдон, *Федор Стенун – литературный критик*, [в:] *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk*, Łódź 2008, с. 292.

и отзыва о словесном произведении, заключается в стремлении к ответному переосмыслению, поскольку читатель критического очерка, опираясь на точку зрения его автора, сам готовится к оценке причитанного. В связи с этим, не зря большинство астафьевских высказываний, касающихся литературы, появилось в его эпистоляриях. По всей вероятности, писатель нуждался в литературном диалоге и охотно вступал в разговоры со своими корреспондентами. Диалогичность эпистолярного жанра, хотя некоторые исследователи считают письма половиной диалога⁹, заключается в прочтении и ответной реакции адресата, на которого рассчитано создаваемое письмо. В жанровом плане переписка является видом сообщения, в котором адресант и адресат связаны друг с другом непосредственными взаимоотношениями.

Литературные комментарии прозаика составляли немалую часть его размышлений. Виктора Астафьева характеризовало особенное отношение к критике и к критикам, о чем свидетельствует его многолетняя дружба с Александром Макаровым и Валентином Курбатовым. Именно к литературоведу из Пскова Астафьев писал о своем отношении к его замечаниям:

Повторю тебе еще раз, что я работаю профессионально и отношусь к литературе как профессионал, а это значит – своя голова на плечах, ей и думать, и разбираться. Обижаются в литературе люди случайные, дамочки в брюках, которые не работают, а играют в литературу, и самолюбие у них впереди работы¹⁰.

Широкий диапазон адресатов свидетельствует о том, что Виктор Астафьев хорошо овладел этим искусством письменной коммуникации. Однако переписка была для него не только средством общения, но и до конца жизни осталась потребностью и привычкой, являясь неотъемлемой частью творческой деятельности. Именно по письмам, создаваемым на протяжении многих лет, можно проследить, как менялся язык и стиль Виктора Астафьева, как из провинциального, начинающего писателя превращался в прозаика-моралиста, совесть всей страны. Высказывания об ощущении своей писательской миссии, заключающейся в необходимости возрождения высоких нравственных идеалов русской культуры, являются одной из сквозных тем его писем.

Большую часть словесных рассуждений составляют комментарии к текущей литературной жизни. Иногда коротко и лаконично, иногда более внимательно, реагировал прозаик на появляющиеся произведения по их горячим следам. Особенно часто появлялись в его переписке имена так называемых «деревенщиков» и тех, кто писал о войне. Творчество Константина Воробьева ценил Астафьев прежде всего за стремление описывать войну без лишнего пафоса. Он написал рецензию на лучшую, по его мнению, повесть Воробьева *Убиты под Москвой*, где с натуралистической силой описана

⁹ См., напр.: А. Wasal, *Rzyski list poetycki, Próba opisania gatunku*, Kraków 2002, с. 251.

¹⁰ В. Астафьев, В. Курбатов, *Крест бесконечный...*, с. 46.

ненужная гибель героических кремлевских курсантов¹¹. Отзыв об этой повести был написан Астафьевым в 1965 году, задолго до того, как он сам сочинил свой роман о войне *Прокляты и убиты*, который был раскритикован за тот же натурализм. Одним из адресатов писем сибирского прозаика был другой фронтовик, белорусский литератор, Василь Быков – о его творчестве Астафьев высказывался нередко и всегда в положительном ключе.

Следует отметить, что автор *Пастуха и пастушки* намного чаще комментировал книги, короткие произведения на него положительное впечатление. В отзывах о творчестве или об отдельных произведениях своих современников поддерживал собратьев по перу, оказывая внимание к их литературным опытам. Однако, реагируя на попадающие в поле его зрения публикации, высказывал свои собственные мысли и оценки, среди которых отрицательные не были исключением. Невзирая на авторитетность и признанность некоторых литераторов, Астафьев высказывался о них резко критически. О романе Василия Гроссмана *Жизнь и судьба* вспоминал не раз под влиянием общенародной дискуссии, которую это произведение вызвало. В письме Геннадии Николаеву из 1989 года называет роман Гроссмана «хиленьким» (XIV, 378)¹², а несколько лет спустя обвиняет евреев, что они во что бы то ни стало хотят объявить гением представителя своей нации.

Только поэтому они хватают любого своего художника [...] и поскорее объявляют его гением, а творения его – гениальными. Хочется – вот и торопятся, ведь *Жизнь и судьбу* – роман еще сырой, незавершенный по всем «разделам», без крупных общечеловеческих характеров, без глобальных проблем и судеб, – поспешили объявить выше *Войны и мира*, а уж *Тихому Дону* и делать нечего, рядом не лежать (XV, 374)

– пишет сибиряк Олегу Хомякову.

Деревенское направление в русской литературе и его создатели, с которыми был связан также Виктор Астафьев, особенно часто им описывались. Теплые отношения у него были с писателем из Курска – Евгением Носовым. Подружившись на Высших литературных курсах в Москве, оба равнодушных к отечественной словесности литератора вели между собой оживленную переписку. В глазах Виктора Астафьева Евгений Носов был «прекрасным писателем, несомненно, лучшим стилистом в современной русской литературе»¹³. Красноярский прозаик писал предисловия и рецензии на публикации Носова. В сочинениях друга Астафьев ценил прежде всего уважение к природе, разнообразие красок, умение тщательно описывать деревню. Со своей стороны Носов комментировал большую часть того, что присылал ему сибирский прозаик. Прочитав роман *Прокляты и убиты*, написал Астафьеву длинное письмо, упрекая его в чрезмерном употреблении ненормативной лексики:

¹¹ В. Астафьев, *Яростно и ярко*, [в:] он же, *Посох памяти*, Москва 1980.

¹² При цитатах из *Собрания сочинений* в скобках указан том и страница.

¹³ В. Астафьев, *Нет мне ответа...*, с. 585.

Ну, прежде всего, категорически возражаю против оголтелой матерщины. Это отнюдь не мое чистоплюйство и в каких-то чрезвычайных обстоятельствах я допускаю матерок. Но не походя, во многом без особой нужды, как у тебя. Это говорит вовсе не о твоей смелости или новаторстве, что ли, а лишь о том, что автор не удержался от соблазна и решил вывернуть себя наизнанку, чтобы видели, каковы у него потроха. [...] Тем самым ты унижаешь прежде всего самого себя (XV, 399).

В переписке с Евгением Носовым отразились литературные вкусы Астафьева, взгляды на ситуацию в писательской среде, события, волнующие обоих литераторов. Однако, после высказывания Носовым многочисленных замечаний по поводу *Проклятых и убитых*, переписка практически прекратилась.

Впрочем, со многими литераторами у Виктора Астафьева отношения складывались по-разному. К примеру, с Валентином Распутиным они были дружескими и полными уважения. После появления романа *Живи и помни* Астафьев писал Курбатову:

Валя Распутин написал что-то совершенно не поддающиеся моему разуму, что-то потрясающее по мастерству, проникновению в душу человека, по языку и той огромной задаче, которую он взвалил на себя и на своих героев [...] Ой, дадут они Вале Распутину за повесть! Он не просто палец, а всю руку до локтя засунул в болячку, которая была когда-то раной, но сверху чуть зарубцевалась, а под рубцом гной, осколки, госпитальные нитки и закаменевшие слезы...¹⁴.

Чтение произведений Распутина представлялось Астафьеву непростым и нуждающимся в духовном напряжении, словно читателю надо готовиться к трудному разговору с писателем. Однако после перестройки отношения сибирских литераторов стали не только холодными, но даже враждебными. Распутин обвинил Астафьева в том, что тот «оторвался от народа»¹⁵. После трансформации в стране они стояли на двух противоположных берегах – Астафьев поддерживал перестроечные реформы Горбачева, а Распутин примкнул к той группе литераторов, которые требовали сохранения советской системы.

В 90-ые годы ухудшились также отношения Астафьева с вологодским писателем Василием Беловым. После переезда прозаика из Вологды в Сибирь появилось немало спекуляций относительно причин такого астафьевского решения. В литературной среде бытовало мнение, что небольшой город тесен для двух выдающихся писателей. О своем переезде Астафьев писал московским друзьям:

Круг близких людей с возрастом сужается, но зато остаются в нем самые близкие, а после того, как я понял, что «вологодская школа», эти в общем-то талантливые, но по природе своей убогие люди, на дружбу не способны, а лишь на эрзац ее [...]»¹⁶.

¹⁴ В. Астафьев, В. Курбатов, *Твердь и посох...*, с. 20–23.

¹⁵ Там же, с. 330.

¹⁶ Ю. Ростовцев, *Страницы из жизни Виктора Астафьева*, Москва 2007, с. 217.

И если в 1973 г. он называет Белова «умнейшим и одареннейшим писателем нашего времени» (XIV, 74), то двадцать лет спустя не хочет с ним «никуда идти и объединяться»¹⁷.

В литературно-критических комментариях Виктора Астафьева мы обнаруживаем длинный список имен современников, которые в меньшей или большей степени привлекали его внимание и побуждали к размышлениям¹⁸. Наблюдения над творчеством конкретного литератора основаны, как правило, на биографической схеме. Судьба писателя, по мнению Астафьева, всегда является существенным фактором проявления таланта или его упадка. Однако, кроме писательских биографий, сибирский прозаик осмысляет место отдельных авторов в литературном контексте, а также восприятие их произведений читателями.

Неудивительно, что Виктора Астафьева особенно волновало состояние сибирской литературы, в частности прозы, которую он считал «лучшей и определяющей в прозе 20-х и 30-х годов» (XIV, 46), сожалея, что в это время могла только изображать действительность без ее осмысления. «Еще раз повторю: дай ей приостановиться, осмотреться, поразмыслить – литература эта непременно пошла бы вглубь явлений жизни, занялась бы самоанализом и осмыслением вновь народившегося общества» (XIV, 47). Именно «движение вглубь» Астафьев считал основным достижением русской литературы, находил его в творчестве классиков и искал в произведениях современников. Сам относился к традиционалистскому словесному направлению и тот же реалистический, жизнеутверждающий элемент стремился найти в литературном потоке современности. Поверхностное чтение ему ненужно и неинтересно. Сочиняя свои тексты, Астафьев всякий раз ставит перед собой цель философски осмыслить суть жизни. В письме к Валентину Курбатову сообщал: «Я усложнил себе задачу тем, что не просто решил написать войну, но и поразмышлять о таких расхожих вопросах, как что такое жизнь и смерть, и человечешко между ними»¹⁹.

Военная тема всегда вызывала у него сильные эмоции: будь это работа над своими творениями, чтение произведений о военных сражениях (лживых или истинных) или переписка с друзьями-фронтовиками. «Свою войну» Виктор Астафьев осмысливал поставив первые шаги на писательском поле, дебютируя военным рассказом *Гражданский человек* (1951), потом была современная пастораль *Пастух и пастушка* (1971), многие последующие произведения, включая роман *Прокляты и убиты* (1992) и повести последних

¹⁷ В. Астафьев, В. Курбатов, *Твердь и посох...*, с. 293.

¹⁸ На страницах эпистолярных текстов мелькают имена Сергея Залыгина, Виктора Лихоносова, Федора Абрамова, Василия Шукшина, Григория Бакланова, Юрия Нагибина, Юрия Бондарева и целого ряда менее известных.

¹⁹ В. Астафьева, В. Курбатов, *Крест бесконечный...*, с. 320.

лет. Тема войны, сквозная не только в его художественном творчестве, но и в переписке, раскрывается разнопланово: Виктор Астафьев вспоминает собственные фронтовые скитания, добросердечно относится как к однополчанам, так и к писателям-фронтовикам, оценивает литературные творения и исторические труды о войне. Сибирский прозаик болезненно реагирует на искажение исторической правды о войне – в одном из писем в редакцию «Московских новостей» резко отказывает советским ученым-историкам «прикасаются к святому слову „правда”» (XIV, 207). Нетрудно понять, почему бывший фронтовик, знающий боевые сражения не понаслышке, стремиться показать читателю войну, которую он сам прошел.

Обсуждая текущий литературный процесс, Виктор Астафьев беспокоится о будущем журналов и альманахов, о ситуации в писательской среде, об атмосфере писательских съездов. Его переписка изобилует комментариями к событиям литературной жизни России. В 90-ые годы они приобретают более негативный оттенок. Астафьев резко критически отзываясь о писательском съезде в 1992 г., называя его «последним позорищем»²⁰. Четыре года спустя пишет заявление в секретариат Союза писателей России с просьбой не числить его членом организации, которой «из-за угла по-прежнему правят товарищ Бондарев, сделавший столько зла русской литературе [...], и быть в компании фашиствующих молодцов Проханова, Бушина иль Бондаренко тоже желания не испытываю»²¹. Немало спекуляций и догадок вызвало решение прозаика выйти из редколлегии журнала «Наш современник» в начале 90-ых годов, сразу после того, как его главным редактором стал Станислав Куняев²².

В эпистолярном наследии Виктора Астафьева представлена картина литературной жизни страны, написана ее активным участником. Невозможно представить себе, чтобы он не откликнулся на исключение Александра Солженицына из Союза писателей. В 1970 году Астафьев отправил письмо следующего содержания руководителям писательской организации:

Теперь вот учинили расправу над талантливейшим писателем России. [...] Солженицын – дарование большое, редкостное, а его взащей вытолкали из членов Союза и намек дают, чтобы он вообще из «дома нашего» убирался. [...] Стыд-то какой! (XIV, 53).

Никто ему на это письмо не ответил. Однако Виктор Астафьев еще не раз публично, в присутствии властей, называл лауреата Нобелевской премии выдающимся писателем современности²³. Неудивительно, что возвращающийся

²⁰ В. Астафьев, *Нет мне ответа...*, с. 494.

²¹ Там же, с. 599.

²² См.: И. Подсвилов, *Война и мир Виктора Астафьева*, «Сибирские огни» 2012, № 7.

²³ О публичных выступлениях Виктора Астафьева в защиту Александра Солженицына можно прочитать: Е. Черных, *Солженицын. Дорога домой*, «Комсомольская правда» от 25.10.1989, с. 4; П. Басинский, *К Астафьеву в Овсянку*, «Российская газета» от 7.10.2008; В. Машкеев, *Встреча с Астафьевым*, «День и ночь» 2004, № 1–2, с. 44.

на родину Солженицын, приехал в Овсянку пообщаться с защитником своей чести.

В переписке писателя не могло не отразиться и другое событие, на этот раз, касающиеся самого Астафьева. После публикации рассказа *Ловля паскарей в Грузии* в 1986 г. его объявили националистом и ксенофобом. Прозаик описал в нем базарных продавцов из Грузии, которые всучивают наивным покупателям гнилые фрукты и увядшие цветы. До этого была издана повесть *Печальный детектив*, которую посчитали пасквилем на русский народ, а фраза о «еврейчатах», высказанная в ней, позволила обвинить Астафьева в антисемитизме. Откликом на перестроечные произведения прозаика была реакция делегации грузинских писателей, которые в знак протеста покинули зал заседаний VIII Съезда писателей СССР, критика Астафьева литераторами Сергеем Михалковым, Георгием Баклановым и Гавриилом Троепольским²⁴, а сверх того переписка с историком еврейского происхождения Натаном Эйдельманом. Короткий обмен письмами начал историк, обвиняя писателя в национализме и расизме, снабжая послание многими цитатами из выше упомянутых произведений сибиряка. Ответ Виктора Астафьева не оставил места для полемики, в резких словах упрекал Эйдельмана в интеллектуальном высокомерии, не отвечая ни на одно из его обвинений. Переписка (три письма) распространялась среди московско-ленинградской интеллигенции в качестве самиздатского бестселлера²⁵.

Антисемитизм писателя проявлялся неоднократно в его эпистолярных, хотя бы в высказывании о Наталии Горбаневской в письме Александру Михайловскому:

[...] криво сикающая Горбаневская, сама себя записавшая в известные и поэтому гонимые поэтессы [...]. Громила жидовка мой лучший рассказ *Людочка*, заступаясь за русский народ, за русский язык, за нашу святую мораль и в конце статейки уж без маскировки лепила: «Он и раньше не умел писать, а ныне и вовсе впал[...]» (XV, 311).

По подсчетам Льва Аннинского, в эпистолярной книге *Крест бесконечный* можно найти около пятнадцати упоминаний о евреях нередко в негативном ключе²⁶. Константин Азадовский утверждал, что Астафьев обвиняет евреев в трагедии России в XX веке²⁷. В этом контексте интересной кажется

²⁴ *В правде жизни – сила литературы*, «Литературная Россия» от 04.07.1986, с. 3, 8, 16, 19. В защиту Астафьева вступил Валентин Распутин: «Не было никакого оскорбления в адрес грузинского народа, уважаемые грузинские товарищи, в рассказе Астафьева, вчитайтесь в него и сумеите отличить боль от издевательства и правду от лжи» (с. 16).

²⁵ В 1990 г., уже после кончины Натана Эйдельмана, письма опубликовал прибалтийский журнал «Даугава» (№ 6, 1990).

²⁶ Л. Аннинский, *На краю Отечества*, [в:] *Крест...*, с. 479.

²⁷ К. Азадовский, *Переписка из двух углов империи*, «Вопросы литературы» 2003, № 5, с. 27.

концепция французского политолога и социолога Алена Безансона, согласно которой недовольство русского народа выразилось в антисемитизме, шовинизме, алкоголизме и преступности²⁸.

Многие начинающие литераторы обращались к Виктору Астафьеву с просьбой оценить их пробы творческого пера. Рецензируя произведения молодых, сибирский прозаик обычно советовал им приблизиться к реалиям жизни и к людям. Не принимал надуманных сюжетов, неестественных персонажей, расхождений в исторически-бытовых пластах. Николаю Гашеву писал:

Повесть, на мой взгляд, не получилась, она долго раскачивается, начавшись вроде бы драматично и строго, расплывается на необязательные, вторичные дела и совсем уж уютную болтовню²⁹.

Алексею Бондаренко, литератору из Енисейска, советовал не торопиться публиковать свои охотничьи очерки³⁰. Однако в его руки попадало много заслуживающих похвалы произведений. Виктору Самуйлову сообщал: «ты есть большой молодец, вполне сложившийся писатель, который нос заткнет многим нашим модным и превосходным литераторам»³¹. Или в другом письме: «Рассказы твои, как всегда, написаны мастерски, но начинаешь перепевать самого себя»³². Единственный упрек Самуйлову – неумение озаглавливать свои произведения, в чем, впрочем, обвинял Астафьев также Бунина³³. Ивана Акулова напрямую благодарил за доверие и возможность прочесть рукопись его романа. «Ничего я честнее, мужественней и талантливей не читал в нашей литературе о нашей горемычной деревне» (XIV, с. 130). Многим «новичкам» давал советы как надо писать, причем утверждал, что «научить писать нельзя – подучить можно» (XIV, 63). Некоторым пробовал помогать напечатать текст в журнале, писал рекомендации для принятия в члены Союза писателей. Стоит отметить, что жена прозаика Мария Корякина-Астафьева тоже занималась литературной деятельностью, опубликовала книгу воспоминаний *Знаки жизни* на четыре года раньше астафьевского *Веселого солдата*. Хотя обе книги описывают в какой-то степени одни и те же события, в свидетельствах супругов-писателей можно обнаружить немало расхождений. О творчестве жены Астафьев высказывался редко и не очень серьезно, вроде: «Между стиркой кальсон и варением щей [...] она тоже пишет

²⁸ А. Безансон, *Русское прошлое и советское настоящее*, пер. А. Бабич, London 1984, с. 110.

²⁹ В. Астафьев, *Нет мне ответа...*, с. 671.

³⁰ Там же, с. 636.

³¹ Там же, с. 660.

³² Там же, с. 677.

³³ Там же, с. 660.

и издала уже штук 14 книжек, есть такие которые и читать можно [...]»³⁴. С 1997 года начал вести переписку со своей внебрачной дочерью Анастасией, жившей тогда в Вологде – вскоре она приняла фамилию отца. Вопреки его желанию и советам эта дочь все-таки стала писательницей. Осторожно, подбирая слова, отец пытается оценивать ее работу:

Слава Богу, нет в твоих творениях бойкости пера, самоуверенности, развязности, столь свойственной современной провинциальной журналистике. [...] Бог даст, явишься, посидишь в библиотеке и убедишься в том, как не надо писать. А романы дело дальнее и оч-че-нь насадное и трудное, попиши-ка рассказы, очерки, осмысли мир и себя в нем, и тогда уж дерзай, с Богом³⁵.

Эпистолярное наследие Виктора Астафьева преисполнено размышлений о литературном труде. Практически полностью погружен в собственную творческую работу, прозаик испытывает постоянное напряжение: пишет о сочиняемых им произведениях, их редактировании, проблемах с издательствами либо цензурой. Писателя волнует вопрос ответственности литератора перед читателем. Убеждение о необходимости тщательного осмысления каждого написанного слова кажется одной из основ его литературно-критической деятельности. По его мнению, те, кто занимается литературным делом, должны все время самообразовываться, совершенствоваться, не позволять себе расслабиться.

[...] чем раньше литератор вылезет из глуши, тем скорее созреет для серьезных дел. Наша литература утомлена и давно надломлена писателями, полуграмотными, малоразвитыми, реализующими свои возможности лишь на четверть, в лучшем случае наполювину – из-за дремучего своего невежества (XIV, с. 203).

В осмыслении положения современной литературы взгляды сибирского прозаика модифицировались вместе с меняющимся укладом жизни в России. Вначале он не мог понять, почему литература, которая «только начала заглядывать вглубь, только приступила к осмыслению окружающей действительности» (XIV, с. 48), тут же была сброшена «с вершин духовного наставника в повседневные заботы» (XIV, с. 48).

После распада СССР Астафьев писал:

Настоящее положение нашей литературы неопределенное. Оно, как и все наше общество, находится в стадии поиска нового направления [...], рассмотреть, обдумать тяжкое наше прошлое и прежде чем куда-либо двинуться из нынешнего безвременья, духовного застоя, нужны свежие, здоровые силы и ориентиры, но пока их нет [...] (XV, с. 60).

Не принимал вялости, эмоционального охлаждения и нехватки жизнеспособности современной литературы, которая в своем потоке не несет

³⁴ Там же, с. 665.

³⁵ Там же, с. 623.

ничего кроме массового характера. Писатели занимаются «строительством „новых” направлений на прежнем месте и из уже отработанных материалов»³⁶. Будучи традиционалистом, воспитанным на шедеврах русской словесности, Астафьев отказывается признавать постмодернистские произведения и называть их литературой. Этой «антилитературе» противопоставляет творчество классиков – Пушкина, Тургенева, Толстого, Бунина. Особенно ценил писатель творчество Николая Гоголя, считая его все еще непрочитанным, требующим зрелого читателя, способного преодолеть стереотипы восприятия. *Мертвые души* – это, по мнению Астафьева, «не просто учебник и энциклопедия русского национального характера, но явление высочайшего художественного достижения»³⁷. Круг чтения сибирского прозаика разнообразен – кроме постоянно перечитываемых им классиков, он останавливает свое внимание и на исторических, географических, этнографических публикациях вплоть до словарных и энциклопедических изданий. Из желания позаботиться об эстетическом образовании населения Виктор Астафьев вместе с красноярским поэтом Романом Солнцевым решили напечатать антологию одного стихотворения российских поэтов, «чтоб как-то образумить публику, помешанную на Высоцком и еще двух-трех поэтах, ничего не читающую, да и знать не желающую!»³⁸. Сборник *Час России* вышел в издательстве «Современник» в 1998 году. В воспоминаниях многих из окружения писателя остался блокнот с множеством стихотворений, собираемых им за долгие годы³⁹. От поэзии, как и от прозы он требовал глубины, «волшебства», осмысления места человека в мире.

Я думаю, и Лермонтов, но прежде всего «всем доступный» Есенин, как раз и притягивают, до стона и слез волнуют тем, что дотрагиваются в нас до того, что ныло, болело, светилось внутри нас [...]. Коля Рубцов тоже «обыкновенен» – на первый, поверхностный взгляд, а вся поэзия его проникнута предчувствием смерти. Своей! И это страшно (XIV, 175).

Обсуждению творчества Николая Рубцова, с которым они некоторое время жили в одном городе, посвятил прозаик немало места. В его «тихой лирике» Астафьев ценил ощущение радости общения в природой и человеком, тайну таланта, нераскрытую из-за скорострительной смерти поэта. Сибирский литератор не раз принимал участие в Рубцовских чтениях, писал воспоминания и очерки о творчестве вологодского поэта.

³⁶ В. Астафьев, В. Курбатов, *Крест бесконечный...*, с. 413.

³⁷ В. Астафьев, *Во что верил Гоголь...*, «Москва» 1989, № 4, с. 3.

³⁸ В. Астафьев, В. Курбатов, *Крест бесконечный...*, с. 198.

³⁹ См., напр.: Н. Волокитин, *Соприкосновение*, [в:] *И открой в себе память...*, Красноярск 2008, с. 25. В 2002 г. журнал «День и ночь» (№ 3–4) опубликовал фрагменты этого блокнота, помещая длинный список поэтов, цитированных Виктором Астафьевым.

Если принять во внимание скромное школьное образование бывшего детдомовца удивляет спектр имен, на которые Астафьев ссылается в переписке по разным причинам. Кроме хрестоматийных, вроде Диккенса, Стейнбека, появляются Говард Фаст, Анре Стилль, Хуан Рамон Хименес, Уольтер Мэккин, Дальтон Трамбо. На роман последнего *Джонни получил винтовку* Астафьев написал рецензию, помещенную в «Литературной газете» в 1989 г. Не раз упоминал, что одна из более любимых книг это *Португальские письма* Гийерага, а произведение Прево *Манон Леско* стало импульсом для книги о любви на войне *Пастух и пастушка*. Русский писатель стал поклонником творчества Габриэля Гарсии Маркеса, чьи произведения, особенно *Сто лет одиночества* и *Осень патриарха*, считал лучшими достижениями мировой литературы. Оба писателя встретились во время поездки Астафьева в Колумбию в середине восьмидесятых годов, а после появления открытого прощального письма колумбийца, который умирал от рака, сибиряк восклицал: «Маркес, не умирай! Маркес, не умирай! Без тебя будет пусто и уныло в этом, себя поедающем мире...»⁴⁰.

В одной статье невозможно охватить целиком данный аспект творчества писателя. Настоящие беглые заметки являются лишь попыткой обозначить тему, требующую подробного осмысления, тем более, что в польском литературоведении ее никто еще не исследовал.

Aldona Borkowska

Viktor Astafyev's Literary Discourse (Based on His Correspondence)

(Summary)

The aim of the article is to survey the correspondence of Viktor Astafyev, published in three different books, for statements about the work of contemporary writers, his own creativeness and comments on literary life in the Soviet Union and Russia. It is worth noting that the Siberian prose writer exchanged letters with critics and writers for many years. In the text much attention is paid to his critical opinions and evolving views on the Russian literature.

Keywords: epistolary writing, letter-writing, Viktor Astafyev, contemporary Russian literature, criticism, literary life.

⁴⁰ В. Астафьев, *Маркес, не умирай!*, [Электронный ресурс] http://www.krasrab.com/archive/2001/01/13/11/view_article [20.09.2014].